

ПРОСТРАНСТВО МЫШЛЕНИЯ

Соображения

Андрей Курпатов

Андрей Владимирович Курпатов
Пространство
мышления. Соображения
Серия «Игры разума», книга 3

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22500273

*Пространство мышления. Соображения / Андрей Курпатов. — 1-е изд.:
Трактат; Санкт-Петербург; 2016
ISBN 978-5-9909419-0-8*

Аннотация

Третья книга, посвященная методологии мышления, — это еще один способ продумать ее от начала и до конца. Если в первой, «Методология мышления. Черновик» был создан концептуальный каркас для реконструкции реальности мышления, а во второй «Что такое мышление? Наброски» реализована онтогенетическая стратегия, то в «Пространстве мышления. Соображениях» рассмотрен процесс мышления как непосредственный акт. Описывая механику процесса мышления, автор книги А. В. Курпатов формулирует приемы для достижения «озадаченного мышления», которое и позволяет мыслить реальность, то есть создавать сложные интеллектуальные объекты, отношения между которыми куда точнее ориентируют

в действительной реальности, чем любые сложившиеся готовые представления.

Содержание

Предварительные замечания	5
Соображение № 1	10
Соображение № 2	28
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Андрей Курпатов

Пространство мышления. Соображения

Предварительные замечания

Эта книга – третья попытка последовательно продумать методологию мышления, а точнее говоря – еще один способ продумать методологию мышления от начала и до конца. Этим я хочу сказать, что перед вами не «еще одна часть» методологии (хотя и не без этого), а еще один способ реконструкции мышления.

Первая попытка вылилась в написание книги «Методология мышления. Черновик». В ней я поставил перед собой задачу создать что-то вроде концептуального каркаса, достаточного для реконструкции реальности нашего с вами мышления.

Вторым таким комплексным продумыванием методологии стала книга «Что такое мышление? Наброски». В «Набросках» я избрал онтогенетическую стратегию, то есть сконцентрировался на процессе возникновения мышления, на принципах его внутренней организации.

В «Соображениях» моей целью стала, если так можно вы-

разиться, механика мышления. Имея концептуальный каркас методологии и некую модель внутренней организации мышления, я попытался (снова от простого к сложному) рассмотреть процесс мышления как непосредственный акт.

Грубо говоря, я рассказываю в этой книге о том, что происходит в нашем мозгу в тот момент, когда мы осуществляем акт мысли. Эта удивительная загадка, должен признаться, занимает меня невероятно! Как вообще получается, что мы способны думать, задумываться, создавать этот самый сложный мир интеллектуальной функции и оперировать в нем?

Возможно, обывателю это представляется чем-то тривиальным, само собой разумеющимся – мол, все мы думаем, и что в этом такого? Но если это действительно так просто, то почему сплошь и рядом встречаются субъекты, которые демонстрируют удивительную глупость? Почему кто-то думает так, что это приводит к потрясающим результатам, а кто-то так, что кажется – лучше бы уж он и не думал вовсе?

Почему вообще существуют «умные люди»? Или, по крайней мере, люди, чье видение ситуации и чьи решения оставляют остальных далеко позади? Я полагаю, что это в первую очередь связано с наличием в поведенческом арсенале соответствующего субъекта специфических навыков использования своего мозга. Да, большое значение имеет и объем знаний, и, вероятно, генетика, но суть мышления – это не то и не другое, его суть – это то, как мы используем наш мозг.

Сам по себе, мозг человека – это, конечно, лишь биологический субстрат, на который, если так можно выразиться, «садится» культурно-историческая матрица (по Л. С. Выготскому), или, как мы говорим в методологии мышления, мир интеллектуальной функции. Если этого счастливого события не произойдет, то даже пытаться «думать» – совершенно бессмысленно. Нам нужен язык, нужны сложные социальные навыки и т. д. и т. п. Но и наличие в мозгу этой матрицы, само по себе, еще ничего нам не гарантирует.

В конце концов, важно ведь не то, что «знает» мозг человека, а то, что сам человек может с этим знанием делать, как он способен его использовать. Да и способен ли? Иными словами, речь идет о том, как человек может влиять на свой собственный мозг (будучи, как мы понимаем, его же производным)? Можно ли как-то воздействовать на него, чтобы не только он творил нас (во всем нашем многообразии, включая наше же мышление), но и мы сами как-то думали, используя его в качестве, так сказать, подручного средства?

Возможно, со стороны всё это выглядит несколько безумно, но без легкой доли безумия с этой проблемой вряд ли удастся справиться. Справедливости ради, надо отметить, что аналогичный трюк мы уже реализовывали (и с весьма хорошими результатами) в рамках системной поведенческой психотерапии¹. Речь идет о концепте «поведения в отноше-

¹ Аверьянов Г. Г., Курпатов А. В. Руководство по системной поведенческой психотерапии. СПб., 2006.

нии поведения», когда мы обучаем пациента осуществлять корректирующее поведение (включая апперцептивное, речевое и социальное) в отношении своего же, но дезадаптивного поведения.

В данном случае речь, по сути, идет о том же принципе: о мышлении в отношении собственного мышления, об использовании ресурсов своего мозга, с тем чтобы они работали над решением задач, которое перед ним ставит наше мышление (хотя понятно, что наше мышление, само по себе, является его же производным). Собственно, уяснение этой механики и представляется мне одним из самых важных пунктов настоящих «Соображений».

Кроме того, здесь же естественно возникает вопрос об отношениях нашего мышления с реальностью, которую мы пытаемся помыслить. Если я знаю таблицу умножения, но даже не догадываюсь о том, что числами могут быть обозначены некие объекты реального мира, то какой мне от этих знаний прок? Вероятно, проку мало. А что мы знаем про то, как реальность соотносится с мышлением? Честно говоря, мы знаем про это позорно мало (если вообще то, что мы про это знаем, можно считать знанием).

Нам кажется, что наше знание отражает реальность, но эта кажущность, надо признать, обусловлена или недостатком научных знаний, или той самой глупостью. Отношения мышления и мыслимой реальности, как минимум, штука сложная и весьма запутанная. Да, мы пытаемся мыслить ре-

альность, но то, с чем мы имеем дело в рамках своего мышления, это уже не реальность, а наши представления о ней. Спутать «карту» с «территорией» сложно, но, когда речь идет о мышлении («карта») и реальности («территория»), мы совершаем эту глупость с завидным упорством.

Таков в общем и целом круг вопросов, составляющих эту книгу. В запасе у меня остался еще один способ продумать методологию мышления от начала и до конца (если всё сложится, то соответствующая книга будет называться «Что такое реальность? Версия»), но в целом, как мне представляется, проделанной концептуальной работы уже достаточно, чтобы переходить к разработке специальных практик работы с мышлением – к практике методологии мышления.

Что ж, мне остается поблагодарить всех, кто продолжает следить за развитием методологии мышления, а также принимает деятельное участие в ее создании! Спасибо и приятного чтения!

Соображение № 1

О разумности

Почему, собственно, я способен мыслить? Что заставило меня когда-то – в детстве – начать думать? В целом, в мышлении как некой особой функции совершенно не было никакой необходимости.

Человекообразные обезьяны, например, ни в чем, по существу, от меня не отличающиеся, вполне обходятся без мышления (если мы понимаем под мышлением специфическую человеческую разумность). Они включены в естественный мир: у них и на биологическом уровне (биохимическом, биофизическом) обнаруживается полная комплементарность среде обитания, и на уровне их нервной деятельности (то есть на нейрофизиологическом уровне) наличествует полная своего рода коммутативная интеграция со средой (психическое обеспечение поведения, социальные отношения в группе и т. д.). Здесь нет разрыва – они включены, они соответствуют, принадлежат той действительности природы, которая их создала.

Но ведь и для моего существования как биологического существа тоже нет никакой необходимости в мышлении. То, как я устроен с точки зрения своей биологии (включая психофизиологию), вполне позволяет мне обойтись без мышле-

ния. Если я не буду включен в культуру (меня, например, воспитает стая волков или тех же приматов), то я и не буду мыслить – я не буду разумным существом, хотя понятно, что неким существом я все-таки буду, а потому смогу жить, действовать, реализовывать какие-то свои потребности. Иными словами, специфическое человеческое мышление – это не то, что возникает во мне с необходимостью.

Представим себе, что мы подбросили такому ребенку, которого воспитывают волки или приматы, азбуку, флейту и книжку-раскраску. Какова вероятность, что он начнет учиться читать, подбирать мелодии на этой флейте или раскрашивать изображение, используя доступные ему красители (уголь, ягоды и т. д.)? Вполне очевидно, как мне представляется (хоть такого опыта мы поставить и не можем), что никакого побуждения к собственно человеческому мышлению эти предметы у ребенка из волчьей стаи сами по себе вызвать не могут. Ему – живущему с волками – это и не нужно. Если никто не будет понуждать его к тому особому (собственно разумно-человеческому) отношению к данным предметам, он и не определит их в соответствии с той функцией, которую мы в них усматриваем. Для него эти предметы будут чем-то другим – не тем, что для нас. Мы выучены собирать соответствующие интеллектуальные объекты, он – нет.

И я, и шимпанзе можем оказаться в художественной галерее, на концерте симфонической музыки, футбольном матче, держать в руках книгу или слушать лекцию в универ-

ситете. Всё это будет для нас с этим шимпанзе некоей данностью, но только я (в отличие от шимпанзе) буду видеть в картинах художественной галереи «произведения искусства», слышать «музыку» (для других животных она ничем не отличается от любого иного шума), следить за игрой людей на «футбольном поле», понимать «выступление лектора» и то, что «книга» – это не просто нечто тяжелое и забавное, что можно, например, рвать, но и что-то, что несет в себе, например, «смысл текста». То есть я буду это думать, а шимпанзе – лишь как-то апперцептировать данные вещи и явления в том же регистре реальности, в котором оно апперцептирует, предположим звездное небо над головой или дерево на холме (по существу, никак – как абсолютно недоступные пониманию «вещи в себе» [И. Кант]).

Что же заставляет меня формировать у себя этот специфический навык мышления, который, вроде бы, лишен всякой биологической обусловленности и точно не «прорежется» во мне сам, если я не буду находиться в мире других людей? Да, собственно, этот мир других людей, по всей видимости, и вынуждает меня начать мыслить, принуждает меня к интроецированию мира интеллектуальной функции и специфическому существованию в нем. Это утверждение кажется очевидным и даже тривиальным, но нам надлежит разглядеть за ним нечто чрезвычайно важное, нечто пока ускользающее: ведь если всё это действительно так, то, следовательно-

но, мы не имеем собственного мышления².

Конечно, в какой-то момент своей социализации мы станем носителями мышления, и само это мышление будет использовать наш мозг как среду своего существования. Но то, что мы традиционно считаем «собственным мышлением», не является таковым, оно не принадлежит нам, оно сопринадлежит миру, который дал нам язык, – миру интеллектуальной функции других людей. Причем это вовсе не мир других людей как таковых, а тот мир, который они лишь несут в себе, – точно так же, как это делаю и я. Мы просто носители этого мышления. То есть они (так же, как и я) сопринадлежат этому миру культуры (в самом широком смысле этого слова) – миру интеллектуальной функции других людей, но, воспроизводя его, являются лишь его следствием.

Здесь следует уточнить, что «мир интеллектуальной функции» (культурно-историческое пространство [Л. С. Выготский]) – это некая действительная реальность (несводимая, впрочем, к «объективной реальности»), которая возникла в истории человечества как социально-обусловленная знаковая среда, способная порождать в индивидуальном сознании конкретных людей специфические эссенциальные

² Точно так же мы не имеем и собственного языка, хотя содержание используемых нами языковых единиц у каждого из нас может быть своим. То есть язык, которым мы пользуемся, это не наш «приватный язык», а язык всех членов некой общности – наш общий язык, но значения слов и выражений, которые мы используем, вполне индивидуальны, то есть сформированы нами самими (хотя и в непосредственном взаимодействии на этом поле языка с другими людьми).

сущности (тех самых сущностей, посредством которых мы наделяем предметы «объективной реальности» целевым значением³). Именно поэтому в рамках мышления мы не имеем дела с предметами объективной действительности как таковыми, а лишь с некими наборами взаимно определенных функционалов: «стул» – это то, на чем «сидят», «еда» – это то, что «едят» и т. д. То есть речь идет в некотором смысле о той «интенциональности», которая обнаруживается в «философии сознания» [Э. Гуссерль, Д. Сёрль]⁴.

«Мир интеллектуальной функции», таким образом, есть нечто вроде наследуемой нами социальной договоренности – в процессе социального научения [А. Бандура] мы передаем из поколения в поколение некие способы употребления объектов окружающей нас действительности. Ношение одежды, пользование столовыми приборами, выражение своих состояний посредством определенных знаков (слов), получение

³ «Азбука» – это книга для обучения чтению, «флейта» – музыкальный инструмент для производства мелодий, «книжка-раскраска» – пособие для тренировки навыков рисования у ребенка.

⁴ Вещи существуют для меня как некие специфические интеллектуальные объекты моего мышления. Эти объекты, с одной стороны, служат неким моим целям (то, зачем мне могут быть нужны эти вещи, то, ради чего я их создаю в себе как интеллектуальные объекты и использую как элементы действительности), а с другой стороны, возможны для меня в качестве таковых только потому, что я в процессе своей социализации в культурно-историческом пространстве был обучен достигать соответствующих целей с помощью таких вот предметов. Собственно, и то, и другое – условия формирования во мне эссенциальных сущностей объектов мира интеллектуальной функции.

удовольствия от прослушивания музыки – всё это что-то вроде сложных ритуалов (формирование и реализация соответствующих динамических стереотипов [И. П. Павлов]), которые помогают нам удовлетворять какие-то наши потребности, в значительной части, впрочем, и вызываемые самой этой наследуемой договоренностью.

При этом мы сначала научаемся соответствующему употреблению тех или иных объектов действительности, а лишь затем «обнаруживаем» в них соответствующие эссенциальные сущности («чашность» чашки, «стольность» стола [Платон]), что и превращает для нас эти объекты действительности в интеллектуальные объекты нашего мышления. Так что мыслим мы вовсе не своим знанием об объектах действительности и не знаками, которыми эти объекты в нас как бы обозначаются, а теми своими навыками их употребления, которые были сформированы в нас в процессе нашего социального научения⁵.

Тут надо специально отметить, что на каком бы уровне психического (интеллектуального) развития мы ни находи-

⁵ Здесь, вероятно, нужно уточнить, что соответствующие навыки формируются в нас в рамках достижения нами определенных целей, то есть всякое действительное значение той или иной «вещи» для нас всегда целевое. В этом смысле эссенциальность предметов окружающего нас мира – это не нечто «идеальное» само по себе, а просто способность этих «вещей» удовлетворять те или иные наши потребности. Причем сами эти потребности вовсе необязательно продиктованы собственно нашей биологией как таковой, а – и в значительной степени – теми играми, которые играют нашим мышлением вне наших сознательных решений на этот счет.

лись, нам наших «знаний о мире» всегда и вполне достаточно. С высоты своего нынешнего опыта мы, конечно, отдаем себе отчет в том, что когда-то – в молодости, например, или в детстве – мы многого не понимали, мало чего знали и зачастую вели себя как записные идиоты. Ирония состоит не только в том, что мы тогда – в своей молодости, в детстве – так не думали и своей глупости не ощущали, но в том, что мы и сейчас считаем себя вполне здоровыми и разумными (как делали и тогда), хотя через какое-то время, возможно, осознаем, насколько глубоко и драматично ошибались насчет своей осмысленности, разумности, здравости и т. д.

Иными словами, нам естественно пребывать в состоянии, когда мы считаем себя «разумными людьми», которые «все понимают». Да, мы предполагаем, что чего-то не понимаем, но (как мы сами себе это объясняем) лишь потому, что мы просто этого не изучали, не имеем достаточно информации или просто считаем, что, мол, «это не мое». Так что это «непонимание» просто одна из частей нашего «понимания», оно включено в наше «понимание», которое, повторюсь, кажется нам абсолютным. Мы не испытываем информационного дефицита (что, впрочем, не мешает нам испытывать «информационный голод» – потребность развлечь чем-то свой скучающий мозг). Того, что мы знаем, нам практически всегда достаточно.

В этом смысле аналогичной иллюзией понимания страдают все живые существа и, с определенным оговорками,

компьютерные программы. Любому животному – инфузории-туфельке, ланцетнику, голубю, крысе, собаке и человекообразной обезьяне – мир «понятен», он не является для животного некой «загадкой» или «тайной».

И этому вряд ли следует удивляться – нам нужно знать о мире только то, что необходимо нам для удовлетворения наших насущных потребностей. При этом само это знание естественным образом вытекает из нашего опыта, который эти знания и создает. Наконец, сам этот опыт естественным образом возникает из наших действий, продиктованных соответствующими – теми самыми – нашими потребностями. Так с какой стати мы должны задумываться о чем-то еще?

Грубо говоря, нашу поисковую активность побуждают и направляют наши потребности, а потому в окружающем нас мире мы обнаруживаем именно то, что этим потребностям как-то отвечает, каким-то образом с ними связано. Соответственно, картина мира, с которой мы имеем дело, нарисована нашими потребностями, а потому она отражает нас, а не мир как таковой.

Мир-как-таковой никому из нас не интересен, да и не может быть интересен, нам интересно в нем то, что по какой-то причине нам нужно. Таким образом, имеющаяся у нас картина мира является своего рода нашим автопортретом, а не картиной мира-как-такового. Но способны ли мы это заметить, если мы видим в нем лишь преобразенных себя?

С другой стороны, можно ли вообще считать действитель-

но разумным существо, которое, глядя на мир, видит в нем исключительно самого себя, вывернутого наизнанку (отражение своих целей, потребностей), но при этом уверено, что имеет дело с миром-как-таким? Шизофреника мы не считаем разумным именно по той причине, что он видит в мире свои галлюцинации. Но чем это в существе своем отличается от того, что видим в мире мы, если мы видим в нем лишь то, что соответствует нашим целям (потребностям)?

То, что наши цели более здравы, чем галлюцинации шизофреника, – конечно, существенная деталь, но лишь деталь. Мозг шизофреника выдумал мир, в котором он – наш условный шизофреник – оказался. Но и мы выдумали мир, потому что собрали его модель абсолютно тенденциозно – из того, что в нем (в реальном мире) отвечает нашим целям и потребностям. Причем мы сделали это не сами, не по здравому рассуждению, не «объективно», а просто потому, что так вышло, благодаря особенностям организации нашего мозга и мира интеллектуальной функции, к которому нас приобщали другие люди.

Таким образом, иллюзия разумности – это неспособность видеть иллюзорность собственного понимания, это слепота к собственной иллюзии понимания. Иными словами, пока мы не подвергли сомнению достоверность собственного понимания реальности, мы не можем быть разумны (хотя вполне можем себя таковыми ощущать).

Даже шизофреник ощущает себя вполне разумным, пото-

му что то, что он видит в мире, согласуется с тем, что он о нем думает. Но как может быть иначе, если мы и способны углядеть в мире лишь то, что мы о нем в некотором смысле думаем? Как говорил Иван Петрович Павлов, «если нет в голове идей, то не увидишь и фактов»: то есть наблюдаемые нами «факты» – есть наша готовность (желание, интенция, идея и т. д. и т. п.) эти факты увидеть. И из них – из этих и так созданных нами фактов – мы и сконструируем картину действительности, в достоверности которой уже не сможем сомневаться [Л. Витгенштейн].

Этим я не хочу сказать, что никакой разумности в принципе не существует (или, по крайней мере, в принципе не может существовать). Мне кажется, что о некой специфической разумности человека-разумного говорить, наверное, следует. Однако необходимо отдавать себе отчет в том, насколько она – эта его разумность – ограничена и слаба, даже если мы умудряемся каким-то образом ее в себе воспитать. Это с одной стороны, а с другой – мне кажется очевидным, что эта наша специфическая человеческая разумность не возникает и не может возникнуть произвольно – как-то сама собой, из некоего спонтанного интереса.

Человек-разумный – это не нонсенс, это просто очень редкое состояние, в которое может (при соблюдении целого ряда условий и процедур) привести себя человекообразная обезьяна нашего вида (обладающая предварительно сформированным в ней мышлением как специфической

способностью оперировать интеллектуальными объектами мира интеллектуальной функции других людей).

Из всего этого следует, как мне представляется, что наш разум – это не мышление как таковое, а наше специфическое отношение с реальностью посредством инструмента мышления, сформированного в нас в процессе нашего вrastания в социальный мир интеллектуальной функции, который эту практику отношений (само это мышление) и реализует⁶.

Этим я хочу сказать, что мышление, которое мы усваиваем в процессе своего культурно-исторического развития, то есть в процессе воспитания в сколько-нибудь культурном (обладающем, по крайней мере, языком) обществе, дает нам возможность (но только возможность!) организации неких иных отношений с реальностью, и эти наши – весьма специфические – отношения с реальностью и формируют своего рода инстанцию нашей действительной (хотя и ограниченной) разумности в нас самих.

Иными словами, наличие в нас возможности быть разумными – лишь потенция, она вовсе не обязательна к исполнению. Мы вполне можем осуществлять мыслительную деятельность, не будучи при этом разумными – в собственном и специфическом смысле этого слова⁷. Для моей разумности,

⁶ Иными словами, собственно под мышлением человека необходимо понимать работу его интеллектуальной функции, использующей некие интеллектуальные объекты, относящиеся к реальности мира интеллектуальной функции других людей (культурно-историческому пространству).

⁷ С определенной натяжкой, вероятно, можно сказать, что нечто подобное под-

кроме мышления, требуется, судя по всему, еще какое-то специфическое мое отношение к собственному мышлению, некий, если угодно, особый «онтологический статус» [М. Хайдеггер].

Это, в свою очередь, значит буквально следующее: я могу владеть языком и даже некими навыками мышления, но это еще, само по себе, не делает меня разумным существом. Так, например, во сне, или в гипнотическом трансе, или переживая психическое расстройство (онейроид, например), или в случае интоксикации галлюциногенами я буду по-прежнему владеть языком и даже совершать некоторые (пусть даже очень сложные) мыслительные операции, но я не буду разумен⁸, не имея при этом специфических отношений с реальностью, которые могут быть даны мне лишь используемым определенным образом мышлением.

Иначе говоря, если я сам не занимаю некое особое место (специфическую позицию) в отношении собственного мышления, если я сам не нахожусь с мышлением в неких специальных отношениях, я еще не могу мыслить как разумное существо. Мышление будет во мне, но я сам не буду разумен. На такое мышление-без-разума в некотором смысле и с

разумеает Г. П. Щедровицкий, когда говорит, что его «оседлало мышление».

⁸ Не случайно серьезной проблемой юридической психологии является вопрос оценки разумности человека на момент совершения им преступления – отдавал он себе отчет в собственных действиях, или нет, или поступал так под влиянием некоего психического состояния, которое, безусловно, определяется мышлением как таковым.

определенным оговорками способен и шимпанзе, и компьютер, и ребенок до трехлетнего возраста.

То есть мало того что я должен интроецировать в себя некую программу интеллектуальных действий, войти в мир интеллектуальной функции других людей (приобщиться к нему, воспроизвести его в себе), я сам, кроме этого, должен еще занять какую-то особую позицию в отношении этого мышления во мне, и в этом своем качестве – как я сам – еще должен быть этой новой для меня реальностью предварительно порожден. А потом – уже порожденный, возникший таким образом – я потенциально получу возможность занимать какое-то положение в отношении собственного мышления во мне. В противном же случае я буду лишь тем «компьютером», который просчитывает ответы в «китайской комнате» Джона Сёрля, демонстрируя мышление без признаков разумности.

Этим инструментом (этим специфическим «местом»), обеспечивающим мне данные особые отношения с действительной реальностью, обуславливающими мою разумность, и является фикция моего личностного «я». Однако здесь мы должны научиться различать «мои представления о себе» (некий сложный, сложносоставной интеллектуальный объект, репрезентирующий мое «я») и мое личностное «я» как функцию – как этот самый инструмент, как в определенном смысле «пустое место», через которое я и осуществляю косвенную рекурсию, обращаясь к реальности своего мира

интеллектуальной функции⁹.

Попробую сказать это иначе. Давайте представим себе таинственного демона Максвелла, который пробирается в мою голову и каким-то чудесным образом блокирует эту специфическую функцию моего личностного «я»: то есть не позволяет мне осуществлять косвенную рекурсию происходящей во мне интеллектуальной активности. В результате некий условный «я», допустим это, могу быть лишь свидетелем происходящей во мне работы интеллектуальной функции с интеллектуальными объектами моего же внутреннего психического пространства (и не важно, чем эта работа вызвана – входящими раздражителями или собственной игрой открывающихся и закрывающихся когнитивных гештальтов). Итак, я что-то вроде «человека Бенджамина Либета» – мой мозг, сам по себе, принимает некие решения, а я лишь знаю (или даже не знаю), что он эти решения принял.

По большому счету ничего ведь не изменилось – во мне есть все мои прежние содержания, эти содержания находятся в неких отношениях с вновь поступающими данными от реальности – преобразуют их, интерпретируют, интегрируются в существующие схемы. Все они как-то играют и сами с собой – перестраиваются, трансформируются, архивируются и т. п. Процесс подобной интеллектуальной активности вполне может идти сам собой – без моего участия как неко-

⁹ См. Курпатов А. В. Что такое мышление? Наброски. СПб.: 2016. Параграфы 79, 82.

го действующего, сознающего свои цели и задачи субъекта. Никаких изменений в схему мы, таким образом, не внесли – мы просто запретили косвенную рекурсию, этот, грубо говоря, ментальный самоотчет.

Вполне можно предположить, что я даже не замечу присутствие этого «демона» и не пойму хитрой игры, которую он затеял. Например, когда я смотрю фильм, полностью завладевший моим вниманием, – какой-нибудь хоррор или блокбастер, – нечто подобное, примерно, и происходит¹⁰: активная внешняя стимуляция вкупе с разворачивающейся во мне сценарной историей (нарративом) могут совершенно лишить меня собственного присутствия. Все, что я вижу, на самом деле разворачивается на моей внутренней сцене, внутри моей головы – мой мозг занят тем, что разыгрывает внутри самого себя этот фильм, а на меня – что-то сознающего и анализирующего – у него просто не хватает мощности. Замечаю ли я в этот момент свое отсутствие? Не более чем в состоянии комы, в наркозе или во сне¹¹.

Существование подобного «мыслящего на автопилоте мозга» – это существование, совершенно параллельное ре-

¹⁰ Другими примерами могут быть компьютерные игры с активной вовлеченностью («стрелялки») или, например, виртуальная реальность 3D-очков.

¹¹ Так что вполне очевидно, что никакого «демона» нам даже придумывать не надо: этот «демон» – то естественное ограничение, свойственное нейробиологии нашего восприятия, из-за которого мы не можем удерживать в оперативной памяти более трех сложных интеллектуальных объектов и решать в моменте больше одной задачи. Вот и весь «демон».

альности: в нас что-то происходит, на что мозг как-то реагирует. Будучи сложно устроен и как следует натренирован, он может реагировать сложно, разнообразно, но это в любом случае есть лишь некая его «своя жизнь» – нечто параллельное той реальности, которая находится по ту сторону от его, выдвинутого на периферию, рецепторного аппарата, с одной стороны, и реальности множества индивидуальных миров интеллектуальной функции других людей – с другой.

Так и компьютер занимается просчетом неких задач, которые мы ввели в него – у него есть набор данных и набор способов оперировать ими. Собственно, это и есть все, чем он занят – как бы в самом себе. Да, можно говорить о реальности этих задач, о сложности работы этого компьютера или его программ, но не о его включенности в реальность, происходящую, условно говоря, где-то помимо этих задач.

Он сам – этот компьютер, – будучи, конечно, в реальности и реальным сам по себе, в себе же и замкнут, и ограничен тем, чем обладает. Очевидно, иными словами, что если у нас нет какой-то специфической инстанции, определенного «места», которое можно было бы назвать неким «я», откуда производится сознательное (разумное и целенаправленное) действие (та самая косвенная рекурсия), предполагающее попытку выхода за пределы этой нашей естественной ограниченности (замкнутости), то мы – это просто машина и ничего больше.

Но какие у меня самого – этого «места» (этой инстанции)

– могут быть свои цели и задачи, если я сам – порождение этого мозга и его программ? Не пытаемся ли мы выдать здесь желаемое за действительное – придать фикции «я» некий экзистенциальный статус? Я думаю, что решать этот вопрос в логике современных философов сознания – мол, «верю/не верю» (одни верят в детерминизм [Д. Перебум], другие – индетерминисты – в него не верят [Дж. М. Фишер]), по меньшей мере неправильно. Да, мое личностное «я» безусловно является порождением этих программ, но вопрос не в том, какой реальностью оно порождено, а в том, к какой реальности оно апеллирует. Если оно апеллирует к реальности этих самых программ, то вопрос ясный – ни о какой разумности здесь не может быть и речи.

Но что если эта производная мозга (некое мое «я») обращается не к тому, что происходит в нем, а к тому, что находится за его пределами?¹² Очевидно, что нашу естественную отграниченность (эту, так скажем, параллельность нас прочей реальности) преодолеть нельзя – и мы, и реальность по-прежнему будем находиться по разные стороны некой условной границы, «зоны контакта». Однако эта специфическая интенция способна изменить само наше положение – положение того самого нашего условного «я» (этого «места») – относительно того, что является содержанием нашей психи-

¹² При этом совершенно неважно, что подобное обращение вряд ли поможет нам достичь этой цели, важно то, что такая позиция в принципе может быть нами занята.

ки (по крайней мере, какого-то аспекта нашего индивидуального мира интеллектуальной функции). Иллюзия понимания может быть осознана как иллюзия, что даст возможность увидеть в реальности что-то еще, что пока остается скрытым.

Нет, это не решает вопроса «достоверного познания реальности» и не дает нам понимания того, что же в ней «происходит на самом деле» (подобные надежды следует, как мне представляется, оставить раз и навсегда). Но мы очевидно получаем доступ к новым данным (новой информации), что уже значительный выигрыш. И ведь не просто «еще какая-то» информация: одно дело, когда мы, так сказать, тянем одни факты за другими, движимые тенденциозностью своего подхода (то есть, по сути, воспроизводим все то же самое, лишь с содержательной нюансировкой), и другое – когда то, что нам казалось абсолютно верным и понятным, вдруг подвергается сомнению, отодвигается и освобождает место чему-то новому, прежде для нас несуществовавшему. Это создает эффект естественного противоречия в системе мышления и заставляет тем самым само наше мышление работать иначе, мы обнаруживаем другие задачи – вот что по-настоящему важно.

Соображение № 2

О мире интеллектуальной функции

Давайте продумаем еще раз – что такое «мир интеллектуальной функции»? Удивительная особенность этого мира состоит в том, что я как бы разделяю его с другими людьми – мы же пользуемся, например, одним и тем же языком и полагаем, что хорошо друг друга понимаем. Только вот значения, которые мы, грубо говоря, вкладываем в одни и те же слова, у каждого из нас свои (и здесь нет никакой возможности добиться взаимооднозначного соответствия)¹³.

То есть мир интеллектуальной функции принадлежит всем нам и в этом смысле является «общим для нас». Но он нигде – взятый полностью, «весь», «целиком» – не находится, но лишь проявляется в каждом из нас как-то (грубо говоря – какой-то своей частью)¹⁴, причем у каждого по-своему.

¹³ Когда я использую понятия «мне», «меня», «для меня» и т. п., речь не идет о моем личностном «я», но о лишь той условно принадлежащей мне поверхности, которая взаимодействует с действительной реальностью. То есть мы говорим лишь о некой непосредственной зоне контакта чего-то моего и того, с чем оно взаимодействует в действительной реальности, к которой, безусловно, относясь и я сам (где «я», опять-таки, не просто мое личностное «я», а весь совокупный мир моей индивидуальной интеллектуальной функции, во мне вмещающийся).

¹⁴ Когда я говорю о «части» мира интеллектуальной функции, я имею в виду, что никто из нас не имеет в себе всех его областей (зон, регистров, отделов). Понятно, например, что для типичного гуманитария не существует той услов-

Иными словами, некоего обобщенного мира интеллектуальной функции в буквальном смысле этого слова нет, но существует множество версий его частей (индивидуальных миров интеллектуальной функции), носителем которых каждый из нас является. То есть совокупно он существует – как некое гипотетическое наложение этих наших индивидуальных версий частей этого мира интеллектуальной функции друг на друга. Еще раз: мир интеллектуальной функции как таковой, взятый целиком, не существует нигде, но мы существуем в нем, однако доступ имеем лишь к какой-то его – нашей индивидуальной – версии.

В связи с этим вполне, мне кажется, понятно, что в мире интеллектуальной функции, к которому все мы – мыслящие существа – принадлежим, нет никаких естественных ограничителей. Иными словами, реальность этого мира, сама по себе, не может сопротивляться нам, что бы мы в ней и с ней ни делали. Мы можем выдумать «Бога», «деньги», «любовь», «эфир», «справедливость», «закон», «импрессионизм», «морганатический брак», «астрологию», «бесконечность», «квантовую запутанность» и т. д. и т. п. И реальность

ной «зоны» мира интеллектуальной функции, где, образно говоря, располагается высшая математика или квантовая механика. За то, чтобы данное знание принадлежало нашему общему миру интеллектуальной функции, отвечают, если так можно выразиться, другие – специально обученные – люди. По сути, каждый из таких «кластеров» людей содержит в себе не только условно «общие отделы» мира интеллектуальной функции, но и какое-то «специальное знание». Исчезнут представители такого «кластера», исчезнет, подобно критскому письму, и это «знание».

этого мира не встанет и не скажет: «Простите, но такого во мне просто не может быть! Вам следует выдумать что-то другое!». Нет, она всё стерпит.

Важно другое: важно, чтобы в существование того или иного нечто (вообще чего-либо) верило значительное число людей, именно эта вера других в то или иное нечто, а не мир интеллектуальной функции как таковой и сам по себе, сопротивляется нам в пространстве этой реальности. Нам, иными словами, сопротивляются здесь другие люди, которые во что-то верят, а во что-то – нет, но не весь этот громадный мир представлений, теорий, установок и ценностей, который мы по наивности считаем объективно существующим (эту-то штуку мы всегда сможем обмануть, если это потребуется для достижения интересующих нас целей).

Наверное, в качестве некой аналогии (больше, конечно, психологической) здесь можно привести сравнение между компьютерной игрой, где вы выстраиваете, например, некое государство или что-то в этом роде, и компьютерной игрой, где вы находитесь в онлайн-соперничестве с другими игроками, и каждый представлен на пространстве этой игры своим аватаром. В той и в другой игре вы являетесь игроком, который ограничен какими-то возможностями, правилами, вводными самой игры (как все мы ограничены механикой нашего мозга и той структурой индивидуального мира интеллектуальной функции, которую мы в себе сформировали). Но в случае «стратегии» вы выстраиваете свою игру

так, как считаете нужным (с учетом понятных ограничений, определенных программой), и вы в любой момент можете передумать, взять паузу, вообще потерять интерес к этой игре или партии, ничего при этом не потеряв. В случае же соревнования с другим игроком, в случае такого «бое столкновения», вы уже не можете действовать так, как захотите, – вам придется учитывать то, что делает в тот или иной момент ваш соперник.

То есть ситуации радикально отличаются именно по этому критерию – во втором случае через программу на вас воздействует другой человек (или любое другое существо, включая искусственный интеллект), чье поведение, чью веру и интересы вы должны учитывать. Да, здесь действуют те же ограничения программы, и вы не видите перед собой ничего, кроме интерфейса самой программы (причем в обоих случаях он может быть одинаковым). Более того, вы и играете с программой. Только вот сопротивляется вам через нее другой человек (другое существо), и именно по этой причине ситуация для вас выглядит иначе. Вы знаете, что он (этот человек или какое-то другое существо) может передумать, изменить стратегию, напасть на вас или, напротив, окажется беззащитным, что даст вам дополнительные преимущества.

Короче говоря, здесь важно следующее: и в том, и в другом случае вы имеете дело с интерфейсом (условно говоря, миром интеллектуальной функции) – и там аватары, и тут – аватары. Но в одном случае вы вольны делать то, что

вам вздумается, и плевать на результат (сам по себе, мир интеллектуальной функции не может нам сопротивляться), а в другом – вы втянуты в отношения и уже не можете поступить так, как вам заблагорассудится (через мир интеллектуальной функции, если он все-таки нам сопротивляется, сопротивляются нам другие люди).

Иными словами, реальность компьютерной программы (как и мир интеллектуальной функции) сопротивляется нам не сама по себе, а это другой человек – наш соперник – сопротивляется нам через эту игру, и именно его скрытое присутствие за тем, что мы видим, меняет дело. Не будь его, мы вообще могли бы включить какой-нибудь автопилот (если, например, такая возможность в программе предусмотрена) и смотреть, как программа сама будет что-то делать – строить, разрушать, организовывать, идти в бой и т. д. (мир интеллектуальной функции в некотором смысле способен жить в нас сам по себе и делает это весьма активно, например во сне или в психозе).

То есть это скрытый за видимостью, но совершенно реальный агент – «другой человек» (или иное существо) – радикально меняет положение дел (ситуацию) для нас и нашего мышления. Если мы знаем о его (этого агента) существовании за представленной нам видимостью, для нас это уже совершенно другая история – мы будем думать и действовать иначе.

Но оставим на время деятелей (агентов) мира интеллекту-

альной функции и вернемся к миру интеллектуальной функции как таковому. Учитывая сказанное, понятно, что всегда существует возможность того, что нечто в этом мире (некая ситуация) может пониматься разными людьми по-разному. Но как понять, кто из нас понимает это дело правильно (или, точнее сказать, правильнее другого), а кто нет? И как это доказать? Неочевидно.

Допустим, я оказался с каким-то другим европейцем в примитивном африканском племени. Наш гид дал нам определенные инструкции: мол, в таких случаях делайте то-то, а в таких – то-то, – и удалился. И вот ночью раздается какой-то странный звук, являющийся сигналом, о котором нас гид, собственно, и предупреждал, но мне помнится, что этот сигнал должен означать, что на стоянку нашего племени напало какое-то другое племя, а моему напарнику думается, что этот сигнал свидетельствует о начале охоты. Мы не можем проверить, кто из нас прав, а наш мозг, соответственно, не может включить соответствующую программу действий. Мы растеряны и озадачены.

Единственное, что мы можем сделать в таком случае – это попытаться как-то интерпретировать поведение представителей племени, которые данный условный сигнал, надо полагать, понимают правильно. Но мы ведь не знаем и того, как обычно они себя ведут в той или иной ситуации! Мы будем силиться понять, что происходит на самом деле. Представители приютившего нас племени обмениваются какими-то

знаками, и мы понимаем, что они это делают – они что-то явно друг другу сообщают, но мы не можем знать, что эти знаки для них значат, и что в связи с этим нам следует делать. Возможно ведь, что мы и вовсе не тот сигнал услышали, о котором сейчас думаем, и у нас потому вообще нет подходящих к делу инструкций. Может быть, соответствующий сигнал не значит ни того, ни другого, о чем говорил нам наш гид, а что-то третье, например: «Пора ужинать – приготовим наших гостей на вертеле!».

Этот мысленный эксперимент призван показать, что наше личностное «я» не должно быть сколь-либо содержательным, что-то особенное собой представлять, чтобы содействовать озадаченному мышлению. Нет, ему вполне достаточно быть просто тем «местом», через которое осуществляется данный специфический информационный трафик. Причем единственной существенной особенностью этого трафика (его специфичностью) будет то, что это некое «я» одновременно допускает в область своего внимания конкурирующие информационные потоки, ни один из которых не воспринимается системой как однозначно верный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.